

СТЕЖЕНСКАЯ Лидия Владимировна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН

10.56700/2071-5366.2025.78.82.011

АРХИМАНДРИТ ДАНИИЛ – ИНАЯ ИПОСТАСЬ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО КИТАЕВЕДА XIX ВЕКА?

Аннотация. Представлены некоторые факты биографии архимандрита Даниила (Дмитрий Петрович Сивиллов, 1798–1877), участника 10-й Российской духовной миссии в Пекине, первого заведующего первой в России кафедрой китайского языка в Императорском Казанском университете, настоятеля монастырей в Москве, Казани, Забайкальском крае и Ярославской епархии. Проводятся сопоставления с биографией наиболее известного и заслуженного российского китаеведа, разжалованного в монахи архимандрита Иакинфа (Никита Яковлевич Бичурин, 1777–1853). Различия в церковной карьере не повлияли на их мировоззрение и научные достижения.

Ключевые слова: китаеведение, русское православие, Дмитрий Петрович Сивиллов (1798–1877), Никита Яковлевич Бичурин (1777–1853).

В истории российского китаеведения первая половина XIX века была временем доминирования православных монахов, миссионеров в изучении Китая. Этому миссионерскому китаеведению постепенно пришло на смену университетское китаеведение, но и миссионерское китаеведение продолжало развиваться и оставалось вполне влиятельным до начала XX века. Если подойти к вопросу единственно с точки зрения, кто у нас занимался изучением Китая в это время, то российское православное китаеведение будет представлено многими «ипостасями». Пять Русских духовных миссий в Пекине (с 8-ой по 12-ю) за 1794–1849 годы дали нам ряд известных имен русского китаеведения. Среди них, конечно, не все были священнослужителями, но по своему мировоззрению в силу совершенно объективных причин почти все они находились в лоне православной церкви.

Время первой половины XIX века нередко называется «бичуринским периодом» в истории русского китаеведения [Скачков 1977:89–139]. Никита Яковлевич Бичурин (1777–1853), архимандрит, а затем просто монах Иакинф, действительно оказал значительное влияние на развитие китаеведения в России. На общем фоне он выделяется, прежде всего, огромным числом опубликованных работ. При этом использованная им тактика публикаций весьма узнаваема для современных профессиональных учёных. Вслед за выходом записок и статей он готовил обобщающие или крупные работы, которые становились действительными вехами в изуче-

нии истории Центральной Азии и Китая. Мы уже отмечали условность хронологического деления его научных интересов в работе над этими географическими регионами, которая может прослеживаться только на основании опубликованных работ о. Иакинфа. Если рассматривать весь фонд научного наследия Н.Я. Бичурина, включая и неопубликованную рукописную его часть, то центральноазиатское и китайское его направления окажутся соседствующими на протяжении всей научной жизни о. Иакинфа [Майоров, Стеженская 2015:7].

Богатая перипетиями личная и служебная жизнь Н.Я. Бичурина неоднократно и подробно рассматривалась в многочисленных публикациях, появившихся практически сразу после его кончины и продолжающихся по сей день. Очевидно, что был конфликт между требованиями церковного служения и выполнением этих требований принадлежавшим к духовному сословию и пользовавшимся привилегиями этого сословия о. Иакинфом, который добровольно принял на себя монашеский сан. Взлеты и падения в его церковной карьере не могут отменить того простого факта, что по происхождению, воспитанию и, наконец, образованию Н.Я. Бичурин был православным человеком. Отметим, что даже в житейском плане, вернувшись в 1822 году в Петербург и приступив к публикации своих научных работ, он был уже вполне сформировавшимся почти 45-летним человеком. И вся дальнейшая его научная деятельность пришла на вторую половину жизни, когда едва ли можно ожидать коренной перестройки мировоззрения. По крайней мере, и описания его образа жизни после возвращения из валаамской ссылки в 1826 г. не содержат намеков на какой-то духовный кризис разжалованного из архимандритов в простые монахи без права богослужения о. Иакинфа. Биография Н.Я. Бичурина уже много раз была исследована и освещена в нашей литературе. Его жизненный путь и личность стали своего рода эмблемой русского православного китаеведения первой половины XIX века. На её фоне становятся заметны, как отличия, так и общие черты в биографиях российских китаеведов из числа духовного сословия.

В тени достижений о. Иакинфа оказались многие работы российских китаеведов-современников Н.Я. Бичурина, которые по тем или иным причинам не были опубликованы. Их роль в изучении Китая становится все более заметной и важной с развитием архивных и историографических исследований истории русского китаеведения XIX века. Одним из них является архимандрит Даниил (Дмитрий Петрович Сивиллов, 1798–1877). Известные его биографические данные кратко можно представить следующим образом. Пострижен в монахи в 1819 г., в своё время иеромонах и казначей 10-й Духовной миссии в Пекине (1820–1830), в разное время настоятель монастырей в Москве, Казани, Забайкальском крае (повышен до перворазрядного архимандрита), Ярославской епархии. Ординарный профессор Казанского императорского университета, руководитель первой в России кафедры китайского языка (1837–1844). Переводчик китайской классической литературы на русский язык (европейские приоритеты

первых переводов некоторых сочинений) и православной литературы на китайский язык. Его рукописное наследие, будь оно издано, не уступило бы по важности и масштабу не только некоторым российским, но и европейским классикам китаеведения и синологии XIX века.

Доказывать его приверженность православному мировоззрению было бы излишне. С момента рукоположения в монахи в 1819 году и до своей кончины он оставался служителем Русской Православной Церкви, а когда возникла необходимость или возможность выбора между карьерой университетского профессора в Императорском Казанском университете и настоятеля монастыря в далеком Забайкалье, он решительно выбрал миссионерское служение.

Если биография Н. Я. Бичурина уже много раз была исследована и освещена в нашей литературе, то некоторые факты из жизни Д. П. Сивиллова требуют уточнения. В настоящее время главными первоисточниками его биографии являются два очерка архимандрита Григория (Иван Иванович Воинов, при рождении Борзецовский, 1832–1896), сведения начала XX в. академика Василия Владимировича Бартольда (1869–1930) и сведения несколько более позднего времени XX в. Петра Емельяновича Скачкова (1892–1964). Позднее в работах советской и российской историографии русского китаеведения были добавлены некоторые архивные сведения об архимандрите Данииле, как правило, в работах общего характера. Научной биографии архимандрита Даниила не написано и не опубликовано.

По фактам своей служебной жизни о. Даниил может показаться антиподом о. Иакинфа, но нас в данном случае интересует не это, а то как два человека примерно одинакового происхождения, воспитания и образования из двух следовавших друг за другом поколений с разницей в возрасте 21 года воспринимали и выполняли задачи китаеведения. Совпадений в тематике их занятий и исследований оказывается немало, при этом не всегда старший коллега оказывался впереди младшего. Очевидно, что и несовпадений было не меньше, и при этом младший коллега не всегда подхватывал темы, заявленные старшим. Н. Я. Бичурин и Д. П. Сивиллов встречались лично и писали рецензии на некоторые работы друг друга, но заявления о дружеских отношениях между ними [Денисов 2007:159] нам кажутся преувеличением. Символичной была их встреча в Пекине. Отбывая на родину в 1821 году, начальник 9-й миссии архимандрит Иакинф передал иеромонаху 10-й миссии Даниилу рукописный словарь, чтобы тот его дополнял, а потом, что позднее так и произошло, передал уже следующей миссии. Научные интересы того и другого формировали как общие задачи и правила духовной миссии в Пекине, так и конкретные вызовы и возможности их деятельности после возвращения на родину. Здесь лежит широкое поле «ипостасей», которые, как мы надеемся, могли бы положить начало сравнительно-историографическим исследованиям научной деятельности не только отцов Иакинфа и Даниила, но и других российских китаеведов.

Сформировавшаяся в нашей литературе «второплановость» архимандрита Даниила породила некоторые искажения и неточности в описании его жизни. Это в равной степени относится как к китаеведческой научной, так и общей справочной, а также справочной краеведческой и справочной церковной литературе. Даже верные сведения из его биобиблиографии нуждаются в пояснении. В данной статье будут затронуты только некоторые факты из жизни о. Даниила.

Показателен своего рода курьёз, когда один американский профессор-русист, судя по фамилии Сивиллов / Sivillov, предполагал, что архимандрит Даниил мог быть крещённым в православие испанцем. Кроме фамилии на это мог указывать и его выбор для перевода на русский язык китайской книги, которую (первой в Европе) ещё в конце XVI века на испанский язык перевёл миссионер-доминиканец Хуан Кобо [Stacy 1981:4]. Речь здесь шла о китайской лэйшу XIV в. «Мин синь бао цзянь» («Драгоценное зерцало для просветления сердца»), которая была переведена о. Даниилом на русский язык (имеется в рукописи), и китайский текст которой со словарём и пояснениями вошёл в его хрестоматию (архивная копия пока не найдена) для преподавания китайского языка в Казанском университете. Действительно, фамилия очень редкая для русского человека. В поисковиках интернета нам встретилось только два человека с такой фамилией. Один из XIX, другой из XX века, но оба выходцы из священников. Согласно архимандриту Григорию, биографу о. Даниила, эту фамилию ему дали в Пензенской семинарии [Григорий 1893а:473]. Сивиллы и Сивиллины книги достаточно известны. Это античные и эллинистические персонажи и их изречения, в некоторых из них предсказывалось явление Христа и т.д. Более того, изображения сивилл представлены на стенах в некоторых русских храмах XVIII в. Однако это не иконы, сивиллы явно не первые претенденты на то, чтобы такое имя дать мальчику-христианину.

Тот же о. Григорий определенно говорит, что родившийся в 1798 году мальчик был наречён Дмитрием, потому что появился на свет около дня памяти Дмитрия Солунского [Григорий 1893а:472]. По старому стилю в конце XVIII века это было 27 октября, сейчас по новому стилю этот день приходится на 8 ноября. Местом рождения у него названа Базарная Кеньша (по названию реки Кеньши), или село Всесвятское, Городищенского уезда Пензенской губернии [Григорий 1893а:472]. В 1797 г., до рождения Дмитрия, значительно большая, чем потом, Пензенская губерния была переименована в Саратовскую губернию. После передачи части уездов в другие губернии остатки Саратовской губернии только в 1801 году вновь стали Пензенской губернией, в том числе и Городищенский уезд. В своей ранней биографической записке 1871 г. о. Григорий не касается этого вопроса [Григорий 1871:48–49], а добавляет названия сёл только в более обширном позднем очерке, ссылаясь на «энциклопедический словарь» [Григорий 1893а:472]. Это наводит на мысль, что наименование мест он дал по своим воспоминаниям о встрече с архимандритом

Даниилом белее чем 20-летней давности. Дело в том, что Всесвятским Базарная Кеньша стала после строительства там в 1819 г. каменного собора (взамен старой деревянной церкви), один из пределов которого назван в честь Всех Святых. Вообще же, в Городищенском уезде было три Кеньши: уже упомянутая и самая большая Базарная Кеньша, меньшая Борисова Кеньша и самая малая Дворянская Кеньша. Петр, отец Дмитрия, был причетником, т. е. церковнослужителем. [Григорий 1893а:472]. Церкви были в Базарной и в Борисовой Кеньшах [Пензенская 1907: 82, 89], но это отнюдь не говорит о том, что он жил при церкви, а не в другом селе или деревне. Указание о Григории на Базарную Кеньшу у нас вызывает сомнение только потому, что в начале XIX в. это было довольно большое село с населением более 2000 человек (сейчас менее 300). Там должно было быть церковно-приходское училище [Церкви 1896: 28], но как сообщает о Григорий, Дмитрий учился читать и писать с 1805 г., но училища или школы не упоминает [Григорий 1893а:472]. Понятно, что в этом вопросе требуется дополнительная работа с архивными метрическими книгами, если они сохранились, конечно.

С местом рождения Дмитрия может быть связана и полученная им в Пензенской семинарии фамилия Сивиллов. Как мы сказали, фамилия эта редкая, но примерно в том же районе, чаще у священнослужителей, встречалась фамилия Старосивильский. Она определённо связана с селом Старосивильский Майдан (т. е. торговая площадь). Сейчас под названием Летки оно находится в Мордовии. Интересно, что такое «испанское» прилагательное в этом топониме происходит от названия местной реки Сивинь (Н поменялось на Л – Л.С.). Не утверждаем, но и не исключаем совсем, что фамилию мальчику при поступлении в семинарию по каким-то соображениям могли дать и по названию этой речки.

Как видим, северо-восточный угол современной Пензенской области – это изначально мордовский край. Кеньша, Сивинь – мордовские названия. Чувашское происхождение Н.Я. Бичурина, отец которого был новокрещёным чувашом и, по-видимому, мог говорить по-чувашски, а мать была русской или русскоговорящей, особо подчеркивается в нашей литературе. Сам же Никита Яковлевич указывал на своё происхождение «из великорусских», тем самым подчеркивая своё православное вероисповедание, а отнюдь не этническую принадлежность, которая едва ли отличалась от понятия землячества в то время. Данных же о том, что происходивший из того же многонационального Поволжья Д.П. Сивиллов имел какие-то мордовские или иные, кроме русских, этнические корни или что он пользовался каким-то языком народностей Поволжья, нам не встречалось. По описанию о. Григория, архимандрит Даниил был «старец высокого роста, с продолговатым и весноватым лицом, в разговоре очень сдержанный» [Григорий 1893а:471].

Вместе с тем, о. Григорий даёт повод осторожно относиться к его сведениям, когда сообщает о смерти архимандрита Даниила в 1871 году. Если быть точным, Воинов заканчивает свой очерк довольно двусмысленной

фразой. Он говорит об архимандрите Евангеле (в миру Евпл Диличенский, 1813–1881), который «переведен настоятелем... в 1872 году в Ростовский Борисоглебский [монастырь], по смерти Даниила...» [Григорий 1893б:584]. Таким образом получалось, что смерть о. Даниила наступила в 1871 или в 1872 году. Не знаем, как именно высчитывали точный год смерти о. Даниила составители различных дореволюционных энциклопедических словарей, но выбор был сделан именно в пользу 1871 года. Возможно, свою роль сыграли сообщения в «Ярославских епархиальных ведомостях» за 1872 год. Здесь прошли два сообщения (оба в официальной части). 12 (24 по новому стилю) января 1872 г. сообщалось, что по предложению Его Высокопреосвященства от 21 декабря (1871 г., т. е. 2 января 1872 г.) «настоятель Ростовского Борисоглебского монастыря архимандрит Даниил, по старости и слабости сил, уволен от должности благочинного Угличских монастырей» [Ярославские 1872а:15]. Затем 19 (31) января 1872 г. сообщалось «об увольнении архимандрита Даниила, согласно его прощению, по расстроенному здоровью, от должности настоятеля Ростовского Борисоглебского монастыря, на покой, с дозволением ему жительства в том же Борисоглебском монастыре и с назначением на его место настоятеля Угличского Алексеевского третьеклассного монастыря архимандрита Евангела». Представление по этому вопросу в Святейший Синод было сделано ещё 10 (22) июня 1871 г., а соответствующий указ для исполнения был послан 30 декабря 1871 г. (11 января 1872 г.) [Ярославские 1872б:17, 18]. Таким образом, по крайней мере, до 21 декабря 1871 г., а то и 30 декабря 1871 г. по старому стилю о смерти о. Даниила не было известно.

Точную дату смерти архимандрита Даниила удалось установить Александру Николаевичу Хохлову (1929–2015). В своей публикации он сообщил, что «последние годы жизни великого труженика-китаиста прошли в стенах Борисоглебского монастыря Ярославской епархии, где он скончался 1 сентября 1877 г. на грани страшной нищеты» [Хохлов 2015:504]. К сожалению, ссылку на источник этой даты А.Н. Хохлов не дал (описка в этой его работе привела ещё и к тиражированию неверной даты рождения о. Даниила в 1789 году вместо 1798 г.). Однако в его работе есть отсылка к «Ведомости о настоятелях и настоятельницах монастырей Ярославской епархии за 1872 год» [Ведомость; Хохлов 2015:512 сн. 30], где говорится о «находящемся на покое ... архимандрите Данииле» в возрасте 75 лет. Здесь же карандашом сделана позднее приписка «помер 1877».

Точные сведения о дне и году смерти нам удалось найти в Ростовском филиале Государственного архива Ярославской области [[Записи]]. Здесь сообщается, что «проживавший на покое» в возрасте «80 лет» архимандрит Даниил скончался «от преклонных лет» 1 (13) сентября 1877 года и был погребен 4 (16) сентября в Борисоглебском монастыре. В отличие от места и дня рождения, день смерти и место его упокоения нам теперь точно известны. Если время его рождения у о. Григория указано верно, то о. Даниил прожил немногим менее 79 лет.

Насчёт нищеты в последние годы жизни архимандрита, заявленной А.Н. Хохловым, мы не берёмся судить. Часто это была просто ритуальная фигура речи в нашей литературе. Отметим, что после пребывания в составе духовной миссии в Пекине, а потом с прибавкой 150 руб. за выслугу лет ежегодная пенсия о. Даниила составляла 800 руб. Как известно, ежегодное содержание разжалованного по суду монаха Иакинфа (Н. Я. Бичурина) только в виде жалованья от Азиатского департамента составляло 1200 руб., он также получал пенсию (сейчас мы бы сказали пожизненный грант) на научные занятия в размере 300 руб. Про материальные затруднения архимандрита Петра (Павел Иванович Каменский, 1765–1845), написавшего донесение об упущениях Н. Я. Бичурина во время его руководства 9-й миссией в Пекине, в литературе не говорится. О. Петр, участник одной и руководитель другой миссии, ежегодно получал три пенсии в 600, 1000 и 2000 руб. Первые две у него уходили на содержание родственников и сирот, а третью он тратил на различные «благотворения» и собственные нужды [Дацышен, Чегодаев 2013:294–295, 312]. Для сравнения отметим, что даже во второй половине 90-х годов XIX века ежегодное жалование различных преподавателей провинциальных начальных учебных заведений составляло от 50 до 300 руб. [Вепренцева 2013:159]. По Университетскому уставу 1835 года жалование ординарного профессора в Казанском университете было 4000 руб., выделялось ещё 500 руб. квартирных [Жарова 2011:282], и пенсия архимандриту Даниилу выплачивалась регулярно, поэтому от жалованья за преподавание в Казанской гимназии он мог спокойно отказаться (получив за это орден). Понятно, что оставление о. Даниилом должностей ординарного профессора в университете и настоятеля монастыря в Казани и его переезд на миссионерское служение в Забайкалье должны были иметь веские причины отнюдь не материального характера. Первые же советские биографы о. Даниила В.В. Бартольд [Бартольд 1977:75] и П.Е. Скачков [Скачков 1977:195] по этому поводу в сумме сообщают, что он по болезни оставил кафедру и удалился в один из монастырей Забайкальской области (можно подумать, что на лечение или на отдых! – Л. С.), где и умер в 1871 г.

А.Н. Хохлов тем не менее был прав, что последние несколько лет жизни архимандрита едва ли были радостными. Григорий Воинов сообщал, что их встреча в 1869 или 1870 г. происходила в Москве, куда о. Даниил приезжал на лечение [Григорий 1893а:471], а в продолжении своего очерка сообщал о неких «припадках», которыми страдал архимандрит [Григорий 1893б:583]. Имел ли он в виду конкретно эпилептические припадки или приступы какой-то болезни, или просто нервные срывы (все эти значения у слова «припадок» были в ходу в XIX веке [Виноградов 1999:564–565]), выяснить не представляется возможным. При этом нареканий на здоровье иеромонаха Даниила во время пребывания в составе духовной миссии нам не встречалось.

Вопрос здоровья Дмитрия Сивиллова поднимался раньше только в 1818 г., когда он просил отчислить его из Медико-хирургической академии

демии в Петербурге и уволить «опять в духовное звание» по причине «слабого здоровья» [Скачков 1977:193, Григорий 1893а:474]. Как мы считаем, заявленная причина была формальной, а перевод Д. Сивиллова из Медико-хирургической академии в Александро-Невскую семинарию в Петербурге уже тогда был связан с формированием состава 10-й Духовной миссии в Пекине и с уровнем образования Д. Сивиллова, который в полном объёме не закончил 8-летнего курса духовной семинарии, т.е. среднего учебного заведения. Для сравнения отметим, что Н.Я. Бичурин прошёл полный 14-летний курс обучения как в семинарии, так и в духовной академии в Казани. Мальчиком Дмитрий Сивиллов был зачислен в Пензенскую семинарию в качестве казенномкоштного ученика в сентябре 1810 г. уже после начала учебного года, который обычно начинался 1 августа и длился 11 месяцев до 1 июля. Пенза находилась от него, предположительно, родной Базарной Кенъши более чем в 100 километрах. В 1812 г. во время Отечественной войны Дмитрий пропустил один год, в семинарию не ходил. Таким образом в 1818 г. он только перешел в последний богословский класс семинарии. По его собственному признанию, учился он хорошо, был вторым учеником в классе, особенно любил иностранные языки (латинский, греческий и французский) и поэзию [Григорий 1893а:473–474]. Однако, начав учиться в богословском классе, он был отобран для дальнейшего обучения в Медико-хирургической академии в Петербурге. Пензенская семинария была обязана поставлять ежегодно двух выпускников в эту академию. По-видимому, Д. Сивиллов дал своё согласие на перевод в академию, потому что семинарский курс он ещё не окончил. Уже после начала учебного года в октябре он прибыл в академию, но и до окончания учебного года не доучился, подав прошение вернуть его в духовное звание. При этом вопреки правилам его не вернули доучиваться в Пензенскую семинарию, а оставили в Петербурге в Александро-Невской семинарии всё в том же в богословском классе.

Мы предполагаем, что не совсем искренние ссылки на слабое здоровье (при поступлении в Медико-хирургическую академию будущие студенты проходили обязательный медосмотр) и оставление Д. Сивиллова в Петербурге в марте 1819 г. определялось его согласием отправиться на 10 лет с духовной миссией в Пекин. По новому уставу, предложенному руководителем этой миссии архимандритом Петром Каменским и утвержденному Александром I, все члены миссии должны были иметь высшее образование, т.е. быть выпускниками университетов, академий или духовных академий. Но достаточного числа таких желающих не оказалось. Среди духовных был только студент низшего отделения Петербургской духовной академии (обучение в академии продолжалось три года) Василий Морачевич, позднее иеромонах, участник 10-й миссии и архимандрит, начальник 11-й миссии, а после возвращения в Россию одно время и наместник Александро-Невской лавры о. Вениамин, скончавшийся в 1854 г. Дмитрий Сивиллов первоначально был зачислен в миссию в качестве студента, т.е. выпускника (!) гражданской академии, но когда

нашёлся соответствующий кандидат, его перевели в разряд духовных, т.е. если не в качестве выпускника духовной академии, то хотя бы в качестве студента (как В. Морачевич) [Пригорий 1893а:473–474]. Встречающиеся в некоторых публикациях утверждения, что Д. Сивиллов был учащимся Петербургской духовной академии неверны. Получается, что ректор академии Филарет (Василий Михайлович Дроздов, 1782–1867), на котором лежала обязанность предоставить кандидатов, нашёл выход в кандидатуре Дмитрия Сивиллова. 24 апреля 1819 г. Д. Сивиллов был зачислен в миссию и, таким образом, богословский класс семинарии так и не окончил. Начальник миссии архимандрит Петр Каменский сам отбирал участников миссии, и личный характер, подготовка и состояние здоровья Д. Сивиллова у него сомнений не вызвали. Более того, и впоследствии, и во время, и после миссии архимандрит Петр неоднократно хвалил своих ближайших помощников, о. Даниила и о. Вениамина.

Иеромонаху Даниилу вполне хватило семилетнего семинарского образования, чтобы быть казначеем миссии (математика не была профильным предметом в семинарии), выполнять службу в храме миссии и стать наиболее продуктивным переводчиком православной литературы на китайский язык. Современному китаеведу удивительная работоспособность архимандрита Даниила становится понятна по огромному числу его переводов китайской классики за время пребывания в Казанском университете, при том что на нём лежали, кроме преподавания, ещё и священнические обязанности. Отметим, что отсутствие формального образования также не стало препятствием для руководства архимандритом Даниилом кафедрой китайского языка в Казанском университете в 1837 году. Согласно университетскому уставу того времени, профессором мог стать только обладатель докторской степени. Тем не менее вопреки всем правилам архимандрит Даниил был утверждён в должности ординарного (т. е. штатного) профессора. И вновь вполне успешно выполнял свою работу.

Представленные выше только несколько фактов из биографии архимандрита Даниила, на наш взгляд, вполне говорят о том, что при неформальном подходе к судьбам Н.Я. Бичурина и Д.П. Сивиллова в их биографиях оказывается много общего. Будучи представителями самых низов духовного сословия оба они смогли достичь высоких результатов в изучении Китая. На их жизненном пути вполне заметен приоритет государственных интересов в исследовании Китая, приоритет, который вполне осознавался и разделялся Русской Православной Церковью, которая, по крайней мере, в период первой половины XIX века в отношении талантливых людей этой отрасли науки демонстрировала достаточную гибкость и терпимость. Монашеский статус обоих китаеведов, возможно, не помогал им в каких-то аспектах их личной жизни, однако вполне гарантировал им стабильный достойный материальный уровень жизни, что и позволяло им сосредоточиться на научной работе.

В заключение нам хотелось бы подчеркнуть, что только сравнение биографий, научного или общественного авторитета учёных этого вре-

мени не решают задачи создания научной историографии русского китаеведения XX века. Анализ должен идти глубже в содержание созданных российскими китаеведами. Для этого требуется иметь тексты этих работ, а в этом плане мы, по сути, в области рукописного наследия остаёмся примерно на уровне начала XX века, а в области печатных китаеведческих трудов, пожалуй, даже отстаём по причине малой доступности этих текстов.

В исторической науке не закончен спор о предмете историографии. Понятно, что историография – это наука об истории, точнее, история истории. Но сама история может пониматься и как цепь реальных событий, и как описание этой цепи – историописание. Тогда возникает вопрос понимать ли историографию лишь как историю исторической науки или историю исторического знания вообще. Ведь при определённом настроении общества или профессионального сообщества работа историка-специалиста может, что называется, «попасть в струю», а может «попасть в отстой». Мы уже сталкивались с тем, как эта проблема решалась в практическом плане. Идеологически не выверенные работы, темы, а зачастую и факты оставались не популярными и не востребованными ни обществом, ни сообществом. Это пример, скажем так, крайнего подхода к историографии. Однако и сейчас нередко можно услышать, что нечто из старых изысканий сохраняет, а нечто утратило «научную ценность». Вполне понятно, что для рассмотрения какого-то конкретного вопроса, ограниченного строгими рамками темы, не нужно притягивать всех и вся. Мы сейчас говорим о другом, о широком подходе к историографии. Да, какие-то работы, – в рамках нашего разговора это XVIII, XIX и XX века, – неозвучны нашему сегодняшнему пониманию исторического процесса или не лишены тех или иных ошибок. Значит ли это, что наше понимание является абсолютным и единственно верным? И не были ли эти работы тем «средним и серым фоном», на котором и вопреки которому появились действительно прорывные работы. Может быть, и сама постановка некоторых вопросов в прорывных работах состоялась благодаря реакции на «серость» этого фона?

Список литературы

- Бартольд В. В., академик. 1977. *Сочинения. Т. IX: Работы по истории востоковедения*. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит, 969 с.
- Ведомости о настоятелях и настоятельницах монастырей Ярославской епархии за 1872 год*. Б. г. ГКУ ЯО ГАЯО Ф.230. Оп.2. Д.2866. Л.17об.
- Вепренцева Т.А. 2013. Материальное положение учителей и врачей в российской провинции во второй половине XIX – начале XX веков – *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. №2. С. 157–168.
- Виноградов В.В. 1999. *История слов*. М.: Б.и., 1138 с.
- Григорий, а[рхимандрит]. 1871. *Историческое описание московского Златоустовского монастыря*. М.: Русские Ведомости, 59 с.

Григорий, архимандрит. 1893а. Архимандрит Даниил настоятель ростовского Борисоглебского монастыря – *Душеполезное чтение*. М. Год 34. Июль. С. 471–479.

Григорий, архимандрит. 1893б. Архимандрит Даниил настоятель ростовского Борисоглебского монастыря – *Душеполезное чтение*. М. Год 34. Август. С. 576–584.

Дацышен В.Г., Чегодаев А.Б. 2013. *Архимандрит Петр (Каменский)*. Москва ; Гонконг: Братство святых первоверховых апостолов Петра и Павла, 360 с.

Денисов П.В. 2007. *Слово о монахе Иакинфе Бичурине*. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 335 с.

Жарова Е.Ю. 2011. Университетские уставы 1803–1804 гг. – *Вопросы образования: ежеквартальный научно-образовательный журнал*. № 4. С. 268–290.

[Записи] метрической книги на 1877^й год, часть третия, о умерших. Б.г. РсФ ГАЯО. Ф. 372. Оп. 2. Д. 387. Л. 255об.–255а.

Майоров В.М., Стеженская Л.В. 2015. Н. Я. Бичурин и его «Древняя китайская история» – *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. Вып. 1*. С. 5–11.

Пензенская епархия. *Историко-статистическое описание*. 1907. Пенза: Типография губ. правления, 321 с.

Скачков П.Е. 1977. *Очерки истории русского китаеведения*. М.: Наука, 505 с.

Хохлов А. Н. 2015. Китаист Д.П. Сивиллов и его русские переводы древнекитайской классики – *Общество и государство в Китае*. 44/1. М. С. 484–512.

Церкви, приходы и приходы Пензенской епархии. 1896. Сост. А. Попов. Пенза: Типография губ. правления, 272 с.

Ярославские епархиальные ведомости. 1872а. № 2 от 12 января. Часть официальная.

Ярославские епархиальные ведомости. 1872б. № 3 от 19 января. Часть официальная.

Stacy, Robert H. 1981. Russia and Spain – *Syracuse Scholar*. Vol. 2 : Iss. 2. P. 1–9.

STEZHENS KAYA Lidia Vladimirovna, Cand. Sci. (Philosophy), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, 117997, Nakhimovsky pr-t, 32, Moscow, Russian Federation

ARCHIMANDRITE DANIIL – ANOTHER PERSONALITY OF A 19TH CENTURY RUSSIAN ORTHODOX SINOLOGIST?

Abstract. The article presents, clarifies and discusses biographical facts of the Russian sinologist, Archimandrite Daniil (Dmitriy Petrovich Sivillov, 1798–1877), related to his place of birth, social origin, education, career in the Russian Orthodox Church and the time of his death. Fr. Daniil was a member of the 10th Russian Ecclesiastical Mission in Beijing, the first head of the first Chinese language department (cathedra) in Russia at the Imperial Kazan University, rector of monasteries in Moscow, Kazan, the Trans-Baikal Territory and the Yaroslavl Diocese. Comparisons with the emblematic figure of the Russian Sinology in the first half of the 19th century Archimandrite Hyacinth (Nikita Yakovlevich Bichurin, 1777–1853) demoted to monks, but obtained acclaim both from the Russian and European scholarly communities, convince that Fr. Daniel and Fr. Hyacinth had shared common traits of their background, education, and early church careers. Hence, they ought to share the Orthodox worldview, and the ‘confrontation’ between Fr. Hyacinth and the Russian Orthodox Church, which is emphasized in the Soviet historiography, is somewhat exaggerated. Monastic status of the both influenced their personal lives, but the priorities of the sinology pursuits of these two talented people were recognized by the Church, so it left them enough space to engage in Chinese studies. In general, the inconsistency of the methodology of modern Russian historiography of 19th-century Russian Chinese studies is noted, since formally priority is given to historiography as the history of academic historical studies, but mostly published works that had been in the public historical knowledge domain are taken into consideration. At the same time, most of the professional works of this period remain in the archives and have not been made public, that is, they have not received the status of historiographical facts either in the narrow or in the broad sense of the definition of historiography.

Keywords: Sinology, Russian Orthodoxy, Dmitriy Petrovich Sivillov (1798–1877), Nikita Yakovlevich Bichurin (1777–1853)
